

Иван Жуков

Чем ярче свет, тем гуще тени...

1910-е годы. Изобилие нового, почти дарового электрического освещения — особенно на улицах и внутри дорогих магазинов. «Столичная привилегия» прошлого века воспринималась остро, почти болезненно.

В 1920-е Н. Анциферов писал: «...когда внезапные порывы ветра качают фонари, и их колеблющийся свет заставляет шевелиться окружающие здания...» («Душа Петербурга»).

Еще через 10 лет Чарли Чаплин поставит фильм «Огни большого города» — как продолжение и новый поворот темы.

Электричество, в отличие, например, от неверного газового освещения, дает свет постоянный и ровный. Неважно, что именно освещено: кусок мостовой, стена здания, или же угол массивного стола, заваленного книгами и бумагами, в каком-нибудь кабинете. Освещенный город — это тот же интерьер.

Поток света потому и «странный», что светит ровно и никуда не смещается. И становится вдвойне «странным» — когда начинает шевелиться. Все, что есть в нем противного «натуре», вступает в борьбу с самой природой. Ладно, в интерьере это происходит хотя бы в комнатных масштабах, а на улицах? Представьте себе

НОВЫЙ СВЕТ

несуветную темень, в которую фонари вбиты прочно, как гвозди. Мы желаем незыблемости света? Пожалуйста, вот вам незыблемость. Вот вам электрическое городское освещение. Но именно постоянство оказывается невыносимым: мы ждем ветра, который начнет раскачивать фонари, рассматриваем, как удлиняются и изменяются тени... Мы ждем, в конце концов, когда ожидание закончится и свет погаснет.

Электрический свет сделался наваждением, которое проникало повсюду, в том числе и в сознание, хотели вы того или нет. В начале века будоражащее, не очень понятное явление искусственного яркого освещения закручивало до отказа взведенную пружину мнительного общества, и без того пребывавшего на грани истерики.

Довольно быстро были придуманы способы «оградить» себя от этой напасти. Лучшим из них можно, без сомнения, признать изобретение эпохой модерна разномастных плафонов и абажуров.

Здравый смысл в этом изобретении имеет иронический оттенок: стеклянное, насквозь пронцаемое тело, излучающее сияние, приобретает оболочку, которая так или иначе (полностью или слегка) прикрывает и гасит его. Без оболочки, само по себе, «световое тело» выглядит обнаженным, нестерпимо неприличным, как монахиня без одежды.

И то правда: люди всегда стремились одеть, окутать вспышки света и языки огня, иногда — чтобы уберечь его от ветра и дождя, чаще — сохранить от него себя и свои жилища. И только те, кто мог смеяться над этими страхами (или, наоборот, принимать их слишком всерьез), смогли превратить это стремление в забаву, сделать его нестрашным и благодаря этому чуть более понятным. Что, как не одежда, помогает лучше всего обозначить «внутреннее», и сделать его внешним? Именно с помощью одежды тело, скрытое ею, проявляется и представляется нашим глазам. И точно так же мы начинаем видеть «тело света» только тогда, когда скрываем его.

Большими эстетами в этом смысле были англичане, когда довели до совершенства идею ширмы у камина. Какие отсветы плясали на ее поверхности, как менялся вышитый на ткани узор, когда по нему проходили тени!

Такая ширма называлась по-французски — «экран». Слово найдено.

Сначала экран — «щит», то есть, опять же, «защита», и только потом «ширма». От света, огня, сияния... Англичане, консервативная нация, следовали *прецеденту*, видимо, не только в юридической практике (чем, в частности, и знамениты). В жизни — тоже. «Близко-тепло-горячо», как в детской игре.

Защита от испепеляющего взгляда Медузы Горгоны — щит Персея. Первый экран, он же зеркало. Не смотри в упор, погибнешь: смотри на экран, смотри мимо — и увидишь то, что... что увидишь. Персей, говорят, именно так и сделал, не в глаза Медузе смотрел, когда отрубал ей голову, а в блестящую бронзовую поверхность.

И до чего поучительный урок, до чего *наглядный*...

Экран превращает свет в форму. Плафон играет роль ощутимой преграды между человеком и «искусственным солнцем», и становится многозначительным, как все, что попадает в сферу «человеческого». Он оформляет и фокусирует световой поток, задает его направление. А смысл? Вполне простой, если разобраться. Мы боимся только бесформенного, каким бы оно ни было: трепетно сияющая неопределенность так же пугает, как безбрежность темноты — здесь противоположности сходятся.

Само по себе электрическое сияние — это «вышедший из-под контроля» мир электронов. Пляска разбушевавшихся демонов, вызванных неловким учеником, не должна выплескиваться за пределы магического круга, иначе — хаос и разрушение.

Лампионы Елисеевского магазина — классика световой арматуры: капля света в сердцевине лилии. Молочно-белый цветок, который и сам — традиционно — чист и светел, реализует физику электричества как произведение искусства.

Полная противоположность — уют домашних абажуров. В некотором роде тоже произведение искусства, конечно. Один веселый человек назвал этот предмет «чудовищной помесью

мебели с одеждой», — а разве не так? «Гибридность» абажура сама по себе делает его присутствие в любом интерьере совершенно естественным, он вполне загромождает собой пространство и снисходительно прикрывает своей юбкой наши головы. Абажуры сейчас снова в моде — это значит, что люди нуждаются в защите. Мы снова боимся «голой лампочки» и обнаженного света, мы не хотим быть на виду.

Мы не хотим — мы сами, мы, нежные, теплые, ранимые. К интерьерам это отношения не имеет. Вот, например, в Голландии и некоторых европейских странах, которые издавна любили уютные закрытые интерьеры, повсеместно распространилось странное поветрие. В отсутствие хозяев квартира остается полностью освещенной, и окна не занавешиваются принципиально. В отличие от многих отечественных интерьеров (особенно в «спальных районах»), в которых это случается обычно от равнодушия нищеты, эксгибиционизм открытых зрителю европейских квартир превращает их в экспозицию интерьера.

На одном полюсе — философия света, на другом — магия абажура. Между абстрактным бесстрашием и практикой страха помещается «человеческий, очень человеческий», вопрос: *как это употребить?* Вопрос забавный, заметим, но не смешной, потому что буквально означает: *а как с этим (или в это) поиграть?* Электрический свет становится довольно сильным средством для оформления пространства — а поскольку оформление, постольку и режиссура, театр... Игра.

Меняются не только освещенные по-разному предметы, но и среда, в которой они присутствуют.

Самим предметам более всего приятен свет рассеянный, неотделимый от пространства. Такое незаметное «ничто», которое создает «ничто», рисуя изгибы поверхностей, намечая тон — светлее или темнее. От этого зависит, сольется ли поверхность предмета с окружающим или, наоборот, предмет превратится в изолированную единицу, неприступную крепость, в худшем случае — в порядковый номер списка среди остальных номеров, одинаковых и безликих.

Понятно, что, например, стандартные интерьеры евродизайна, в большинстве своем освещенные таким образом, превращаются в подобное «перечисление». Это маленькая победа бухгалтерии или всего, что связано с числом, порядком, строем, — другими словами, с уничтожением личности. Конечно, это превосходный вариант светового решения для официального помещения, но уж никак не для жилища.

Самое важное в жизни — правильно сосчитать? Попробуем... С привычной звериной серьезностью начнем рассматривать множество мельчайших лампочек, усыпавших собой, допустим, стену или потолок. На этом месте могли бы спокойно находиться прямоугольные плафоны со своим голубоватым «евродизайновым» сиянием. А здесь — одна... две... ну, шесть или семь... а если больше семи, то мы физически не можем объединить их и пересчитать глазами. Но ведь явно больше, посмотрите на эту россыпь миниатюрных светильников! Стена (или потолок) становится световой плоскостью, дрожит и переливается, другими словами, она *живет*. Игра зачеркивает списки.

Рассеянный свет — немного неполноценный. Ему не хватает определенности, и часто хочется подбодрить и насытить его, добавив цвет или интенсивность. Приобретая окраску и плотность, он материализуется и норовит приобрести уже совсем полную независимость. Остается только сменить источник — свет больше не хочет оставаться рассеянным «светом вообще», ему требуется собственная телесность.

Так появляются *highlighting* и *spot*, два разных типа подсветки, заимствованных у театра. Они могут превратить большое помещение в маленькое, выделить углы, или, наоборот, скрыть их так, что вы окажетесь в круге, овале, треугольнике... или в шаре. Апофеоз световой режиссуры: человек занимает место, предназначенное источнику света. Создается образ «человеколамп».

Светильники, наоборот, становятся человекообразными. Электроника «умного дома» в простейшем случае включает перед вами свет и выключает его, когда вы проходите. Что ж, при- выкнем.

В иллюстрациях к статье использованы фото продуктов фирм **Radiant, Wila, Mica Lamp, Fabbian Illuminazione, WAC Lighting, Luminous Arc**, инсталляций из каталога Международной Ассоциации Светодизайнеров (**IALD**) №19 за 2002 год.

